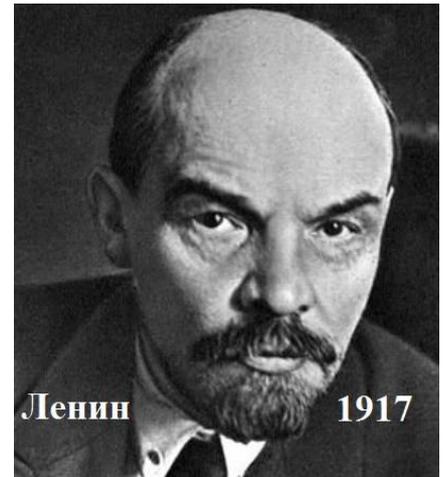

Глава 6. За что боролись – на то и напоролись!

Клялись Царю мы кресто целованием.
Предательство легло на Русский род.
Рассеяны по миру мы изгнанием,
Как бывший богоизбранный народ.

Жанна Бичевская «Мы – Русские»

Ленин, безусловно, был ярчайшим пассионарием и гениальным организатором, обладавшим железной волей и сверхъестественной силой убеждения. Лейтмотивом его поведения была фанатичная вера в коммунистическую утопию и ненависть к самодержавию и всему русскому. Ильич, обладая невероятным политическим чутьем, был гением «лозунга момента».

Тактическая гениальность Ленина позволила большевикам удержаться у власти в первый, самый трудный для любого нового режима, период. «Мир - народам», «фабрики - рабочим», «земля – крестьянам» - эти гениальные в своей простоте лозунги сыграли решающую роль в развитии дальнейших событий. Сразу после переворота в Петрограде Ильич добился от съезда Советов немедленного принятия декретов «О мире» и «О земле». Перемирие, заключенное с Германией, позволило относительно безболезненно начать демобилизацию разложившейся старой армии и отвечало чаяниям казачества, понесшего огромные потери в войне, и потому жаждавшего немедленного мира. Национализация всей земли обеспечила лояльность крестьянства, легализовавшего захват помещичьих земель. Рабочие были удовлетворены национализацией крупной промышленности и банковской сферы и установлением рабочего контроля на предприятиях. А принятая вскоре «Декларация прав народов России», провозгласившая право всех наций на самоопределение, вплоть до отделения, успокоила национальные окраины и обеспечила повсеместную по-

беду в них Советской власти. По крайней мере, в тех из них, которые не были оккупированы германскими войсками. Ну а короткий, как выстрел лозунг «грабь награбленное» вызвал небывалый энтузиазм люмпен-пролетарских масс.

Была отменена смертная казнь, личная свобода граждан поначалу ничем не стеснялась. Красная гвардия формировалась из добровольцев. Поначалу все, кто хотел и имел материальную возможность покинуть страну, беспрепятственно сделали это. Но при этом большевики сразу же закрыли все оппозиционные газеты и журналы, прекрасно понимая роль прессы в формировании общественного мнения. И потому «победоносное шествие» советской власти прокатилось по стране практически без серьезных осложнений. Тем более что Ленин клялся в верности идее созыва Учредительного собрания. И под прикрытием возни с его созывом он получил несколько месяцев относительного спокойствия, необходимого для укрепления большевистской диктатуры.

Интеллигенция находилась в полной растерянности. В идейном плане ей теперь нечего было предложить ни крестьянам, ни казакам, ни, национальным меньшинствам, ни, тем более, рабочим. А вопли об узурпации власти большевиками в устах ниспровергателей самодержавия выглядели просто смешно. Отряды Красной гвардии легко подавили сопротивление главнокомандующего генерала Духонина, и восстания Каледина и Дутова на Дону и Урале. Но, едва укрепив власть, волк сбросил овечью шкуру. И после разгона Учредительного собрания, в котором большевики оказались в явном меньшинстве, они показали свою истинную сущность. Мораторий на смертную казнь был отменен. Печально знаменитая ВЧК заработала на полную мощь, приступив к планомерному истреблению непролетарских слоев населения под предлогом борьбы с контрреволюцией и саботажем. Причем «чрезвычайка» получила полномочия арестовывать, выносить приговоры и приводить их в исполнение без чьей либо санкции. А 5 сентября 1918 года был официально объявлен «Красный террор», то есть терроризм был поднят большевиками на государственный уровень.

Очень скоро стало ясно, что «в белом венчике из роз» впереди шел вовсе не Иисус Христос, а, злобно беснуясь и хохоча, шагал сам сатана! Над древними кремлевскими башнями возшла люциферова звезда¹, став одним из символов нового государства. Тогда и масонствующая интеллигенция, так много сделавшая для уничтожения Российской империи, с ужасом обнаружила, что теперь гибель грозит и ей самой. В порыве революционного энтузиазма трудящиеся массы вместе с «буржуями» и другими «эксплуататорами» помяли немало интеллигентов в шляпе и пенсне.

Интеллигенция была оскорблена в своих лучших чувствах. Пролетарии и возглавившие их большевики не оценили по достоинству ее полувековые усилия по разрушению самодержавия. Вместо ожидаемых восторгов и рукоплесканий она получила по мордасам. Вспоминая те дни, Бердяев мрачно изрек: «Русская революция была также концом русской интеллигенции... Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну».

Часть интеллигенции, в основном студенческая молодежь, вступила в Белое движение. Некоторые революционные интеллигенты, такие как Авксентьев и Чайковский возглавили Уфимскую директорию и Северное правительства в Архангельске, объявившие себя наследниками Временного правительства России. Большинство же, скуля и харкая кровью, подобно доктору Живаго, расползлись по щелям.

В этом плане показательна судьба Блока. Как мы помним, «поэт в России больше чем поэт». И, по мнению Радзинского, пророк угас, не перенеся краха представлений о собственной непогрешимости. А вместе с ним угасли и иллюзии, много лет питавшие приват-доцентов с вывихнутыми мозгами. Как писал Солоневич: «Интеллигенция ... бегала вприпрыжку за ка-

---

¹ некоторые исследователи утверждают, что красная звезда является древнеславянским ведическим символом. Но если вспомнить, что главным «кутюрье» Красной армии был масон и американский гражданин Троцкий, а пятиконечная звезда является символом армии такого масонского государства, как США, то всякие сомнения на этот счет отпадают.

ждой иностранной хлестаковщиной, пока не прибежала в братские объятия ВЧК. Нужно сознаться: это были вполне заслуженные объятия за столетнее блудословие».

Схватка белых и красных вовсе не являлась «борьбой ведомых большевиками трудящихся масс с помещиками и капиталистами, мечтавшими о возрождении монархии», как это утверждалось советской историографией. Основу Белой добровольческой армии составляли кадеты и эсеры, а вовсе не монархисты. Офицеры, казаки и студенты – вот ее профессиональный состав до начала мобилизаций. А все возглавлявшие ее генералы были выходцами из военной ложи, немало сделавшими для свержения самодержавия.

После поражения в Гражданской войне значительная часть интеллигенции покинула страну вместе с уходившими частями Белой гвардии. Затем большая группа (160 человек) наиболее известных «мыслителей», в основном философов, уничтожение которых могло вызвать нежелательный резонанс на

Лев Карсавин
1882 1952

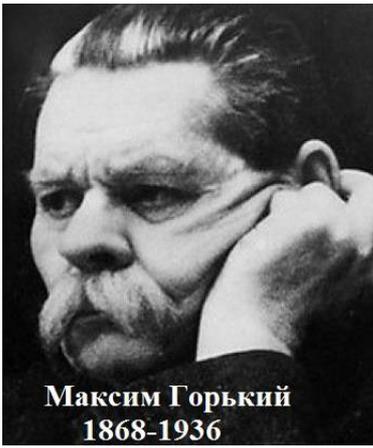
Западе, была выпихнута Лениным за границу на знаменитых «философских пароходах». Ильич справедливо опасался, что эти знаменитости могут подвергнуть сомнению его гениальность, и потому заранее подстраховался.

Среди высланных были уже знакомые нам Бердяев, Франк, Сергей Булгаков, а также такие известные философы-интеллигенты как

Сергей Карсавин и Николай Лосский, философ-монархист Иван Ильин и будущий основатель евразийства Сергей Трубецкой. С ними также были высланы социолог Питирим Сорокин, писатель и крупнейший русский масон послереволюционного периода Михаил Осоргин, историк Александр Кизеветтер и другие, менее известные персонажи.

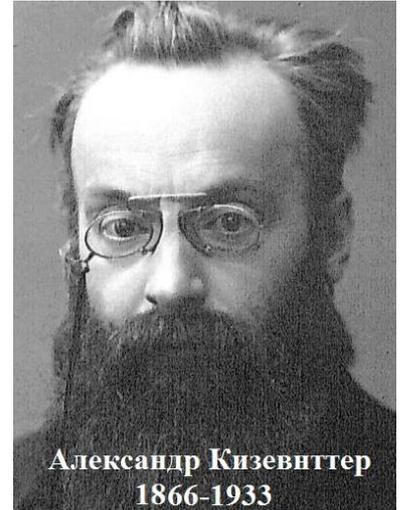
Питирим Сорокин
1889-1968

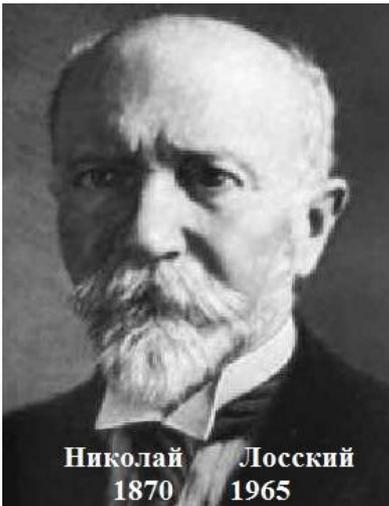
Максим Горький
1868-1936

Вместе с неблагонадежными «попросили» и бывшего спонсора большевиков Алексея Пешкова, который достал Ленина своим «печалованием» о судьбах репрессированных интеллигентов.

Сейчас, современная интеллигенция страшно горюет об «огромной и невосполнимой утрате», которую понесла в связи с

Александр Кизевнтер
1866-1933

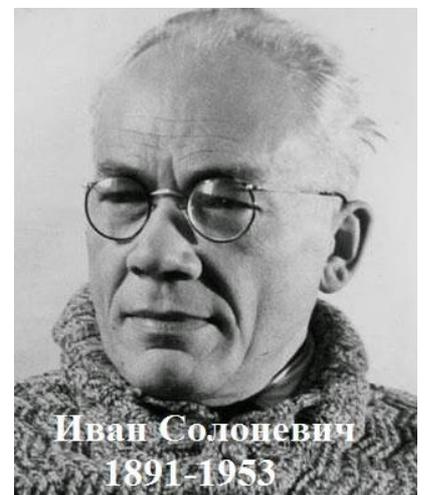
Николай Лосский
1870 1965

этим Россия. Честно говоря, я этих страданий разделить не могу. Ведь оказавшись за границей, эти «гиганты мысли и отцы русской демократии» должны были дать анализ случившейся катастрофе или найти в себе мужество хотя бы покаяться за то, что десятилетиями пудрили всем мозги своими «гениальными» теориями. И

что же, кто-нибудь сделал это? Ничуть не бывало!

Наблюдая их кипучую деятельность, Солоневич писал: «Духовные отцы революции, сбежав в эмиграцию, пишут мемуары. Каждый Иванов Седьмой доказывает черным по белому, что все предыдущие Ивановы, от Первого до Шестого включительно, были дураками и прохвостами и только один он, Иванов Седьмой, был умником. И что, если бы революция послушалась именно его, Иванова Седьмого, и остановилась бы на ступеньке Номер Семь, заранее указанной им, Ивановым Седьмым, то все было бы вполне благополучно. Но все испортили остальные Ивановы и остальные ступеньки».

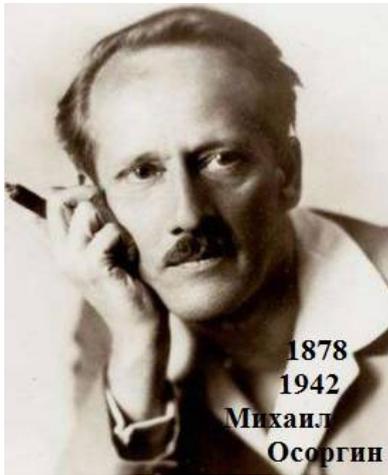
А Солженицын резюмировал: «Интеллигенция сумела раскачать Россию до космического взрыва, но не сумела управлять её

Иван Солоневич
1891-1953

обломками. Потом, озираясь из эмиграции, сформулировала интеллигенция оправдание себе: оказался «народ — не такой», народ обманул ожидания интеллигенции».

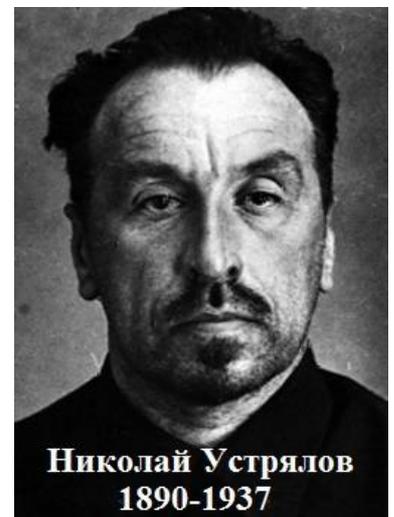
Только Струве нашел в себе мужество к концу жизни признать свою вину. На одном из собраний народно-трудового союза² он заявил, что у него только одна претензия к Николаю II – тот должен был безжалостно уничтожать таких революционеров, как он. «Да, и меня первого! Именно так!» – взволнованного кричал Струве. Но остальные Ивановы Седьмые, подобно многотомному Бердяеву, продолжали строчить свои бессмысленные сочинения, непрерывно «меняя вехи».

Кто-нибудь помнит «великого» писателя Осоргина или труды историка Кизеветтера? А может быть всеобщий интерес вызывают религиозно-философские искания бывших марксистов и материалистов Булгакова, Франка, Карсавина, Лосского и других? Даже наиболее известный и раскрученный из всех этих мыслителей –

Бердяев, по мнению Солоневича, с которым нельзя не согласиться: «никогда и ничего не понимал, ибо всегда его вчерашнее понимание на завтра оказывалось вздором даже для него самого». Из всех высланных гуманитариев только Сорокин действительно внес значительный вклад в мировую социологию.

Упомянутое выше движение «сменовеховцев» оформилось в 1921 году после публикации в Праге сборника «Смена вех», авторами которого были профессора-эмигранты Николай Устрялов и Сергей Чахотин, приват-доценты Юрий Потехин и Юрий Ключников, адвокат Александр Бобрищев-Пушкин и журналист

² Народно-трудовой союз (НТС) – политическая организация русских эмигрантов-монархистов.

Сергей Лукьянов. После введения НЭПа они объявили, что большевистская власть переродилась, действует теперь в национальных интересах и с ней нужно сотрудничать.

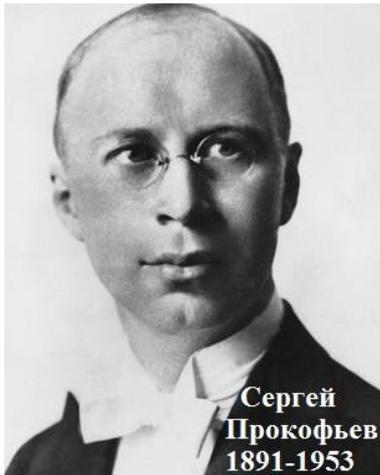
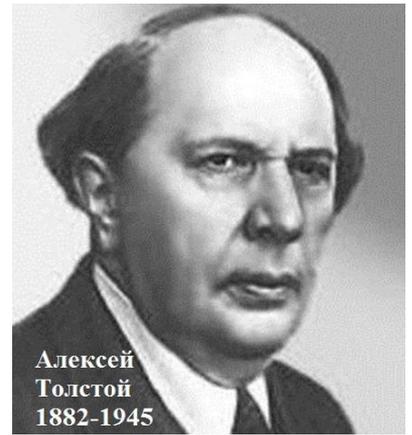
Устрялов также считается основателем национал-большевизма, нашедшего немало сторонников среди сменовеховцев. То есть русская интеллигенция, более полувека молившаяся у алтаря Западной цивилизации, презиравшая Россию и все русское, оказавшись в Европе, вдруг неожиданно обнаружила в себе национальное самосознание.

Столкнувшись с реалиями европейской жизни, многие интеллигенты быстро утратили свои иллюзии. Лишь немногие сумели адаптироваться и были востребованы. Уделом большинства стало нищенское существование и тяжелый физический труд. А тяжелый труд, как известно, не только обезьяну, но даже интеллигента способен сделать человеком. Нервные импульсы, посылаемые голодным желудком, блокировали эндорфины³, ранее обильно вырабатывавшиеся у интеллигентов при мысли о Западной Европе. Но антисистемное мышление, родовой признак интеллигенции, у сменовеховцев в полной мере сохранилось. А оно, как известно, базируется на стремлении к «высокой» цели, мечте. Только после разочарования в Западе, новой иллюзией «возвращенцев» стала мечта о построении национал-большевистского рая в России.

Под влиянием идей Устрялова и его коллег и их личного примера, немало интеллигентов, после 1921 года вернулось в Советскую Россию. Конечно среди более 200 тысяч реэмигрантов того периода основную массу составляли бывшие военнопленные царской армии, возвращавшиеся из Германии, пленные красноармейцы, выданные Польшей, а также подпадавшие под

³ Эндорфины – гормоны счастья.

амнистию рядовые участники белых армий⁴. Но и интеллигентов-сменовеховцев тоже было немало. Помимо идеологов «смены вех», среди наиболее известных имен можно упомянуть писателей Алексея Толстого, Александра Куприна, Максима Горького; поэта Марину Цветаеву, композитора Сергея Прокофьева и других. Но основную массу

составляли инженеры и представители естественнонаучного направления.

Хотя точных данных о дальнейшей судьбе большинства возвращенцев нет, но очевидно, что клеймо «бывший белогвардеец» оставляло мало шансов пережить 30-е годы. По крайней мере, все вышеупомянутые лидеры сменовеховцев к 1938 году были расстреляны.

«Между струек» сумел проскочить только Чахотин, который, получив советский паспорт и работу в загран учреждениях, сумел продержаться за границей до самой смерти Сталина и вернулся в СССР только в 1958 году.

Куприн вернулся уже тяжело больным и вскоре умер. Цветаеву с дочерью уговорил возвратиться в СССР ее муж, Сергей Эфрон, левый евразиец и агент НКВД. Но после их приезда в 1939 году, он также был репрессирован и расстрелян. Вместе с ним была репрессирована и их дочь Ариадна. А через год, не выдержав этих утрат, Цветаева повесилась. Прокофьев в 1948 году был подвергнут организованной травле, подорвавшей его

⁴ - под амнистию, объявленную Советской властью, не попадали офицеры, кадеты и юнкера.

здоровье, и в 1953 году скончался.

Только Алексей Толстой и Горький, верой и правдой служившие сталинскому режиму, до конца своих дней грелись в лучах всесоюзной славы. Романы и пьесы Толстого: «Гиперболоид инженера Гарина», «Хождение по мукам», «Петр I», «Иван Грозный», «Хлеб» и другие были идеологически выдержаны и потому обеспечивали первопроходцу жанра научной фантастики почет и благополучное существование.

Но наиболее обласканным оказался Горький, объявленный Сталиным великим пролетарским писателем и основателем школы социалистического реализма. Хотя логичнее было объявить его великим люмпенпролетарским писателем. Ведь любимыми героями большинства его произведений были люди дна или, как принято сейчас политкорректно выражаться, – люди с низкой социальной адаптацией.

Людей труда великий писатель не любил. Особенно ненавистно ему было русское крестьянство, собственно, и составлявшее основу русского народа. В статье «О русском крестьянстве» Горький утверждает, что именно русские крестьяне, эти «глупые пингвины, робко прячущие тело жирное в утесах» являются самым мерзким и гадким, что только может быть на земле. При этом он почему-то утверждал, что именно крестьяне, а не большевики, разгромившие кадетско-интеллигентское белое движение, виноваты в гибели интеллигенции, этих «гордых буревестников, черной молнии подобных». Он писал: «...как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей». И это было написано в Берлине, в 1922 году, в период самого страшного голода в Поволжье. При этом, откуда придет это новое племя, великий гуманист скромно умалчивал.

Кроме сменовеховцев, другие философские течения и объединения, такие как «младороссы», «непримиренцы», НТС, Русский общевойсковой союз (РОВС) и т.д., где тон задавали философ Иван Ильин и публицист Со-

Солоневич, имели монархическую направленность, националистические взгляды и интеллигентов не жаловали. Но и самих сменовеховцев, вдруг заговоривших о национальных интересах, строго говоря, к настоящей интеллигенции отнести пожалуй нельзя.

Наиболее существенный вклад в развитие философской мысли в эмиграции внесли евразийцы (Николай Трубецкой, Петр Савицкий и Георгий Вернадский), считавшие Россию особой евразийской цивилизацией, противостоящей Западу. Они

Иван
Ильин
1883-1954

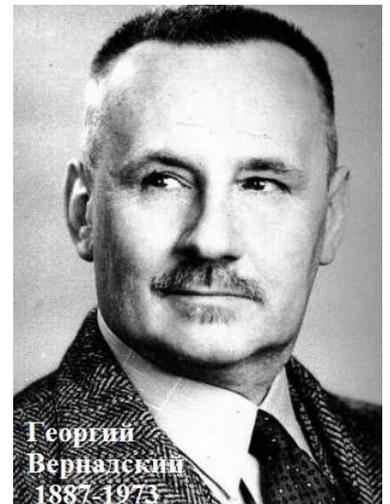

Николай
Трубецкой
1890
1938

опирались на теорию культурно-исторических типов (цивилизаций) и их жизненных циклов, изложенную последним славянофилом Данилевским еще в 1869 году в работе «Россия и Европа» и не оцененную современниками. Наследие евразийцев позже использовал гениальный русский ученый Лев Гумилев,

создавая теорию этногенеза.

Но можно ли евразийцев отнести к интеллигенции, даже несмотря на то, что Георгий Вернадский был потомственным интеллигентом, сыном основоположника ноосферы Владимира Вернадского. Безусловно, нет! Так как евразийцы, подобно сменовеховцам, покусились на самое святое для интеллигенции – евроцентризм!

Георгий
Вернадский
1887-1973

В дальнейшем, вследствие естественной ассимиляции, потомки русских интеллигентов-эмигрантов растворились в этносах-аборигенах, не оставив в истории философской мысли какого-либо существенного следа. Наблюдая эту печальную картину, в начале 50-х годов Солоневич констатировал: «История русской общественной мысли - на своей родине

померла совсем. Жалеть об этом не стоит: туда ей и дорога: она потонула в той кровавой яме, в какую толкнула нас всех».

Если говорить о потерях, то они наблюдались, прежде всего, в русском искусстве и литературе. Помимо уже упомянутых писателей, поэтов и музыкантов, после революции Россию покинули такие всемирно известные писатели, как Иван Бунин и Владимир Набоков, певцы Федор Шаляпин и Александр Вертинский, звезды балета Вацлав Нежинский и Анна Павлова, художники Илья Репин, Николай Рерих, Василий Кандинский, Марк Шагал и Александр Бенуа, почти все поэты-символисты: Бальмонт, Северянин, Мережковский, Гиппиус, Вячеслав Иванов, а также Саша Черный и Владислав Ходасевич. Хотя, если говорить о поэтах-символистах или художниках-абстракционистах, то мне кажется – потеря невелика.

И потом многие из вышеперечисленных имен скорее могут быть отнесены к «богеме», нежели к интеллигенции. А эти множества, выражаясь математическим языком, хотя и пересекающиеся, но не тождественные. На мой взгляд, профессор Соколов, производя подсчет поголовья интеллигенции, совершенно необоснованно отнес к этой социальной группе всех художников, композиторов, музыкантов, актеров и режиссеров. Хотя бы потому, что далеко не все из них в то время являлись всесторонне образованным людям.

Иная картина наблюдалась среди так называемой «технической» интеллигенции (ученых естественнонаучного направления, изобретателей и инженеров). Когда обнаружилось, что надеждам раздуть мировой пожар сбыться не суждено, Ленин тут же разродился теорией о возможности победы социалистической революции и построении социализма в одной отдельной стране. А для этого были необходимы научные и технические кадры.

Большевики вполне обоснованно не доверяли «старой» интеллигенции и взяли стратегический курс на создание «пролетарских» научных кадров. Уже в 1918 году был принят беспрецедентный закон о предоставлении права поступления в вузы лицам любого уровня образования или даже вовсе без образования, и под лозунгом «завоевания высшей школы» началось массовое

зачисление туда «рабочих от станка». Затем были созданы «рабочие факультеты» (рабфаки), где представители рабочего класса ускоренно получали среднее образование, необходимое для дальнейшего обучения в университетах. В 1921 году был установлен «классовый принцип» приема в вузы с целью резкого ограничения доли детей интеллигенции среди студентов. Выходцам из образованного слоя был законодательно закрыт доступ не только в высшие учебные заведения, но и в среднюю школу II ступени, чтобы они не могли пополнять ряды даже низших групп интеллигенции. Лишь в порядке исключения для детей особо доверенных специалистов выделялось несколько процентов плана приема как представителям «трудовой интеллигенции».

Но пока готовить кадры «пролетарской интеллигенции» и двигать науку должны были старые профессора и ученые. И потому большевистские лидеры с самого начала стали налаживать деловые контакты с научными коллективами и отдельными учеными. В 1918 года при Наркомпросе и ВСНХ были созданы центры по привлечению к сотрудничеству научных работников. Велась постоянные переговоры с Российской Академией наук. Многих ученых привлекали к участию в работе народных комиссариатов.

Чтобы сохранить научные кадры, с 1920 года была введена особая форма обеспечения ученых - натуральный академический паек (выдавался до октября 1923 года). 500 наиболее выдающихся специалистов были освобождены от трудовой повинности, предусматривались меры по охране их жилищ. При Совнаркоме была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых. Первым серьезным проектом, позволившим обеспечить работой значительное количество инженеров и ученых, стал план ГОЭЛРО.

Перестраивалась система организации науки. Быстро росла сеть научных учреждений. Были сохранены традиционные учреждения, включая Академию наук, университетские кафедры, научные институты и общества. Новые организационные формы определялись самими учеными. Такой новой формой, отвечавшей тогдашнему состоянию науки, были признаны специализированные научно-исследовательские институты.

Неуклонно повышалось и материальное положение советских ученых. И вскоре оно уже стало сопоставимо с положением партийной номенклатуры. Не чинилось препятствий участию советских ученых в международных конференциях и выезду в научные заграничные командировки и на стажировки.

Благодаря этому численность научных работников быстро росла. К 1927 году их насчитывалось около 25 тысяч, т.е. в два с лишним раза больше, чем до революции. Научные кадры готовились в научно-исследовательских институтах, университетах и вузах. С 1925 года была учреждена аспирантура. При этом продолжалась целенаправленная пролетаризация научных кадров, а общеобразовательная программа подготовки научной смены «обогащалась» обязательным изучением марксистско-ленинской методологии.

В результате большинство «технарей», сумевших пережить голод, эпидемии, красный террор и другие «прелести» гражданской войны, остались в России и внесли огромный вклад в развитие советской науки и подготовку новых научных кадров. Среди наиболее выдающихся можно отметить бесценного президента АН СССР, геолога Александра Карпинского, академиком: основателя советской радиотехники Михаила Бонч-Бруевича, мостостроителя и сварщика Евгения Патона, основоположника физической теории резания металлов Владимира Кузнецова, отца советской физики Абрама Иоффе, основоположника химической физики Николая Семенова, генетика Николая Вавилова, физика-ядерщика Сергея Вавилова, энергетика Глеба Кржижановского, авиаконструктора Андрея Туполева, геохимика Владимира Вернадского; физиолога Ивана Павлова, кораблестроителя Алексея Крылова. Также успели многое сделать для сохранения советской науки в самые трудные годы гражданской войны, хотя и умершие к 1921 году: основоположник аэродинамики Николай Жуковский и физиолог Климент Тимирязев.

При этом, из всех этих выдающихся персонажей, пожалуй, только Вернадский, да в какой-то степени Тимирязев и Павлов, могут быть отнесены к интеллигентам. Остальные с молодых ногтей были увлечены наукой, не были замечены, за исключением Тимирязева, в революционных движениях и про-

тестных акциях, обладали позитивным мироощущением и системным мышлением. А Кржижановский и вовсе был убежденным большевиком, ближайшим соратником Ленина. Поэтому под наше определение интеллигенции эти интеллектуалы никак не попадают.

К действительно серьезным потерям, которые понесла тогда российская наука, следует отнести отезд за границу выдающегося авиаконструктора Игоря Сикорского, который создал в США такую новую отрасль, как вертолетостроение и передовую по тем временам дальнюю бомбардировочную авиацию. Выдающийся вклад в развитие телекоммуникаций на Западе внес изобретатель телевидения Владимир Зворыкин. Существенное значение имели труды таких ученых-эмигрантов, покинувших СССР уже в 30-е годы, как физик Георгий Гамов и химик Владимир Ипатьев.

И вновь никого из них ни по происхождению, ни по поведению нельзя отнести к интеллигенции. Сикорский изобрел и построил свой первый самолет уже в 18 лет. Авиастроение стало его всепоглощающим увлечением, и в какой-либо общественной деятельности до революции он участия не принимал. И эмигрировал Сикорский в 1918 году исключительно из желания продолжить заниматься любимым делом. До конца своих дней он был убежденным монархистом, близким к «штабс-капитанскому движению» Солоневича. Его судьбу практически повторил Зворыкин, оказавшийся в эмиграции только в силу стечения обстоятельств.

Изначально не собирались эмигрировать и Гамов с Ипатьевым, которые внесли значительный вклад в советскую науку в 20-е годы. Гамов как ученый сформировался уже в советское время, а Ипатьев до революции был сосредоточен на научной карьере и с либерально-революционной интеллигенцией не являлся. Но, как уже отмечалось ранее, большевики не доверяли «бывшим» и использовали их только с целью создания кадров «пролетарских» ученых и специалистов. И когда эта задача была частично решена, Сталин начал «прессовать» старых спецов. Загранкомандировки были ограничены, по стране прокатились первые процессы над инженерами-

вредителями, заканчивавшиеся растрельными статьями.

Тогда Гамов, мечтавший о всемирной славе и положении «свободного художника», которого добились выдающиеся ученые: физик Петр Капица и генетик Николай Тимофеев-Ресовский, много лет работавшие за границей, после очередного запрета на выезд на международную конференцию, решил стать невозвращенцем. А Ипатьев, после расстрела своих коллег, как «бывший» решил не испытывать судьбу и последовал примеру Гамова. То есть здесь мы видим не принципиальные разногласия с советской властью, а в одном случае – неудовлетворенные амбиции, а в другом – страх за свою жизнь.

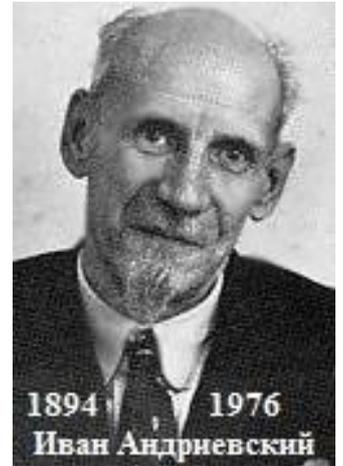
Таким образом, можно сказать, что эмигрировали в основном интеллигенты-гуманитарии (писатели, поэты, публицисты, философы, художники, композиторы, журналисты, издатели, профессора, адвокаты, политики), а интеллектуалы-технари по большей части остались. Но это утверждение несправедливо, – скажете вы, – ведь выдающиеся гуманитарии эмигрировали не по своей воле. Но всего было выслано 225 человек, в то время как эмигрировало несколько десятков тысяч интеллигентов (всего по разным оценкам за годы гражданской войны страну покинули от 1.5 до 2 млн. человек). Поэтому можно сказать, что волна эмиграции довольно четко разделила интеллектуальный слой на интеллигентов и интеллектуалов.

И все же страну покинули далеко не все интеллигенты. Казалось бы, перед оставшимися открывалась поистине историческая перспектива. Ведь борьба с антисистемой, каковой являлась ленинская коммунистическая утопия, – дело святое! Это вам не великую империю расшатывать. Здесь историческая правда была бы на их стороне. Но проблема в том, что, во-первых, в нашем случае одна антисистема сталкивалась с другой. А тогда, выражаясь научным языком: «хрен редьки не слаще», что собственно и продемонстрировали 90-е годы. А во-вторых, в условиях приближавшейся мировой бойни попытка свалить большевиков, неизбежно приводящая к новой гражданской войне, ставила бы под сомнение уже само существование российской государственности. А сторонников этой борьбы с исторической неизбежностью

толкала в ряды коллаборационистов.

Но как же этой «истинной» интеллигенции удалось сохраниться в тех непростых условиях, под напором перерожденцев-сменовеховцев, интеллектуалов-«технарей» и новой рабоче-крестьянской массы «образованцев»? И главное, под бдительным и всевидящим оком ОГПУ-НКВД?

Формой сохранения интеллигентских традиций стали привычные для нее закрытые кружки и масонские ложи. Как вспоминал Лихачев, до 1927 года Ленинград «кипел различными философскими кружками и студенческими обществами». Одним из таких кружков был «Хельфернак» (художественно-литературная, философская и научная академия), организованный религиозным философом Иваном Андриевским в Петрограде в 1923 году. Среди его членов был и будущий апостол современной интеллигенции

Дмитрий Лихачев. Также членом этого кружка являлся философ Сергей Аскольдов-Алексеев, преподававший Лихачеву психологию в средней школе.

В 1928 Андриевский и Аскольдов основали тайное религиозно-философское общество «Братство преподобного Серафима Саровского», в котором также состоял Лихачев. Входил будущий академик и в студенческий кружок с громким названием «Космическая академия наук». Помимо Ленинграда, подобные кружки возникали и в других городах.

Эти кружки действовали по привычной для интеллигентов схеме масонских лож. Члены кружков писали рефераты на различные темы, которые обсуждались на общих собраниях. Также как и ложи, кружки были тайными, только в них отсутствовала сложная обрядность и ритуалы.

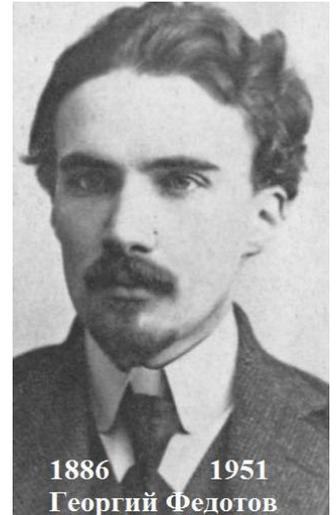

В то же время религиозными философами Александром Мейером и Георгием Федотовым был организован либерально-философский кружок «Воскресенье». После эмиграции Федотова, покинувшего Россию в 1925 году, стараниями масона Мейера этот кружок постепенно стал приобретать черты масонской ложи. Правда к регулярному

масонству эта квазиложа отношения не имела.

Помимо организаторов, среди его членов были такие известные личности, как культуролог Николай Анциферов, историк Иван Гревс, философ Михаил Бахтин, и все те же Аскольдов-Алексеев и Дмитрий Лихачев. Целью кружка объявлялся поиск путей

религиозного возрождения через связь христианства и социализма. Главным препятствием объявлялась православная церковь. А основой всего – интеллектуальная свобода.

По принципу масонской конспирации, для подбора новых членов было организовано еще пять кружков нижнего уровня под руководством Федотова,

Мейера, и Гревса. В них будущие члены «Воскресенья» подвергались предварительной обработке и проверке благонадежности. Всего через этот полумасонский кружок прошло около 150 человек.

Сохранению старых традиций русской интеллигенции способствовали также лекции и занятия, которые многие старые профессора, такие как, например, Александр Введенский и его ученик Сергей

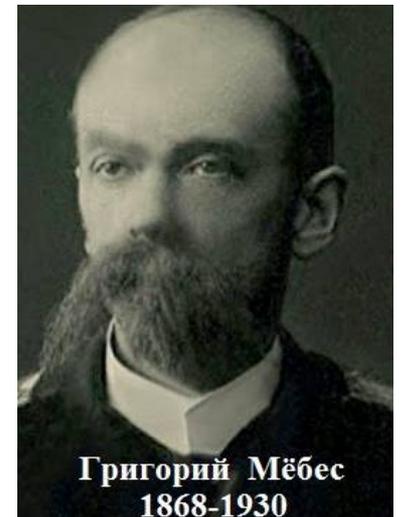

Поварнин, проводили на дому для детей интеллигентов, не имевших тогда права поступать в университеты. Также в первой половине 20-х годов еще имелась возможность, правда за свой счет, издавать работы без официального одобрения соответствующих органов. Этим пользовались некоторые ученые, в частности философ Алексей Лосев.

Помимо кружков и полумасонских объединений, кадры «истинной» интеллигенции ковались и в настоящих масонских ложах, хотя и не входивших в регулярное масонство и не признававшихся западными братьями. В основном это были ложи мистического масонства. Самыми крупными были ленинградские ложи «Ордена мартиноистов», возглавляемые бывшим лифляндским бароном Григорием Мёбесом. Также действовало отделившееся от мартиноистов «Русское автономное масонство» Бориса Астромова.

Кроме них в Ленинграде существовали еще три более мелкие масонские организации, а в Москве Андреем Белым и анархистом Аполлоном Карелиным были созданы масонские организации: «Орден света», «Храм искусств» и «Братство милосердия». В Нижнем Новгороде и Сочи возникли близкие к ним «Орден Духа» и «Орден тамплиеров и розенкрейцеров». В нескольких городах страны продолжал действовать «Орден розенкрейцеров», еще с дореволюционных времен возглавляемый поэтом и философом Борисом Зубакиным.

Параллельно с мистическим масонством продолжали подпольно действовать, хотя официально и были закрыты властями в 1923 году, общества Теософов и Антропософов.

Ложя розенкрейцеров, 1920 год. В центре – Зубакин. Справа – кино-режиссер Сергей Эйзенштейн.

Эта интеллигентская полумасонская вакханалия нашла сатирическое отражение в романе «Двенадцать стульев», изданном в 1928 году, в сцене создания Остапом Бендером тайного общества «Союз меча и орала».

Поначалу власти довольно снисходительно смотрели на эти интеллигентские забавы. После смерти Ленина шла борьба за власть, и начальству было не до них. Но «кипение» интеллигентской кружковщины продолжалось недолго. Как только Сталину удалось утвердиться у власти, убрав Троцкого и его сторонников, ОГПУ всерьез взялась за подозрительных интеллигентов старого разлива.

В 1926 году прошел процесс над мартинистами. В 1927-1931 годах были разгромлены теософы и антропософы. В 1929 году состоялся суд над членами «Воскресенья» и «Братства Серафима Саровского». 70 человек были осуждены. В 1930 году были осуждены члены «Ордена духа» и близких им масонских лож.

Нужно признать, что наказания были на удивление скромными. Можно сказать, что в работе ОГПУ период 20-х годов был самым мягким, можно

даже сказать – интеллигентским. Так мартинисты получили по три года ссылки. В заключение на три года был отправлен только выдавший мартинистов предатель Астромов. Также в ссылку на три года были отправлены и члены «Ордена духа» и лидер розенкрейцеров Зубакин, после своего второго ареста в 1929 году. Более суровое наказание понесли члены «Воскресения» и «Братства Серафима Саровского». Ссылкой отделалась только половина осужденных. Шесть руководителей были приговорены к 10 годам заключения в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). А шесть наиболее активных членов, включая Лихачева, получили 5 лет лагерей.

Но и в лагерях того времени интеллигентов на тяжелых работах практически не использовали. Лес тогда валили и каналы копали сотни тысяч раскулаченных мужиков, и использовать для этих целей «мягкотелую» интеллигенцию власть не видела смысла. Интеллигенты, как единственные на тот момент образованные люди среди заключенных, занимали в основном многочисленные технические, медицинские и экономические должности в обширном лагерном хозяйстве.

Именно в СЛОИ впервые появилось понятие «блатной» в своем новом значении. Правда, с середины 30-х годов блатными стали называть уголовников, уклонявшихся от работ в лагерях и заставлявших работать за себя «политических». Но в конце 20-х блатными называли заключенных, устраивавшихся на легкие работы. Поэтому первыми «блатными» стали лагерные интеллигенты. Так, того же Лихачева в СЛОИ друзья устроили сотрудником криминалогического кабинета. А после перевода в Белбалтлаг на стройку Беломорско-Балтийского канала он работал счетоводом. Как вспоминал Дмитрий Сергеевич, в каждой вновь прибывшей партии они выискивали «своих» и всеми правдами и неправдами устраивали на административные и технические должности.

Находясь в заключении, будущий академик написал и опубликовал в местной газете свою первую научную работу. В то время в СЛОИ не только выходило несколько газет, но и действовал театр, спортивные площадки и

музыкальные кружки. И при этом уже тогда наблюдались многочисленные случаи издевательств и внесудебных расправ не только над уголовниками-отказниками, но и над политическими заключенными.

Нужно сказать, что оставшаяся в СССР интеллигенция находилась в некоторой растерянности. С одной стороны, большая ее часть боролась с большевиками в гражданскую. А с другой, небывалый энтузиазм городских трудящихся масс, вызванный первым экспериментом по практическому построению социалистического общества, производил и на них большое впечатление. И потому идеи сменовеховцев имели серьезное влияние в интеллигентской среде России того времени. Поэтому на допросах большинство из

Борис Астромов
1883-1941

них подчеркивало, что они сочувствуют советской власти, только не согласны с некоторыми методами ее работы и ограничениями свободы. А Астромов даже написал Сталину письмо, в котором доказывал, что масоны весьма полезны для коммунистов, что у них общие цели построения общества равенства и братства. И что власть должна

использовать ценный опыт и знания «каменщиков» при создании коммунистического рая.

Такие же, как Андриевский, Аскольдов и другие, ранее считавшие, что «христианское учение пригодно только для народных масс, а не для нас, любителей», после долгих поисков бога вдруг сделались яркими поборниками православной церкви. И встали на путь решительного противостояния боготорческой власти, став активными деятелями «катакомбной церкви⁵» и непримиримыми врагами советской власти.

Итак, подпольное движение «старых» интеллигентов в СССР было успешно разгромлено. Но дело их продолжало жить и развиваться. Их эстафету

⁵ Катакомбная церковь - собирательное именование тех представителей русского православного духовенства и мирян, которые перешли на нелегальное положение, находясь на антисоветских позициях.

подхватила молодежь, успевшая впитать в себя старые интеллигентские традиции. И даже те, кто был осужден, благодаря системе «блата» в лагере объединялись в сплоченное сообщество, в котором молодежь черпала идеи и ценности «старой» интеллигенции. За исключением некоторых «непримиримых», после отбытия лагерных сроков или короткой ссылки, многие из них вполне успешно влились в общественную жизнь, практически не испытывая каких-либо ограничений в своей деятельности. И продолжали поддерживать интеллигентские традиции. Тот же Лихачев, после досрочного освобождения в 1932 году, устроился в Ленинграде литературным редактором государственного издательства «Мысль».

Солоневич зло писал тогда: «Эта интеллигенция - книжная, философствующая и блудливая, слава Богу, почти истреблена... Но дело ее еще живо, как принято говорить в таких исторических случаях: гной ее мышления еще будет отравлять мозги и будущих поколений. И ее конвульсивные прыжки от Маркса к Христу и от Христа снова к Сталину - будут еще вызывать раздражение в тех юных профессорах, которые идут на смену повешенным и повесившимся».

Товарищ Сталин, в отличие от своих соратников, хорошо понимал, что история – это ключ к пониманию современности. Именно глубокое знание русской истории позволило ему понять, что в России при любой системе власти, как бы не назывался правитель – Генсек или Президент, все равно получается Царь. Но царь – фигура сакральная. Раньше сакральность ему обеспечивала традиционная вера. Однако при богоборческой советской власти сохранить сакральную составляющую его титула было невозможно, поэтому Сталин решил опереться на собственный культ.

Для начала, чтобы встать в один ряд с основоположниками, необходимо было внести существенный вклад в сокровищницу марксизма. И он его внес! В 1928 году Сталин выдвинул учение об обострении классовой борьбы по мере построения социализма. И теперь ОГПУ, вооружившись новой тео-

рией вождя, вынуждено было перейти от борьбы с реальной контрреволюцией, которую она успешно подавила, к ее фабрикации.

В свою очередь, теория обострения понадобилась, чтобы нанести упреждающий удар и подавить возможное сопротивление. А оно вполне могло возникнуть в процессе исторического перелома, который наметил вождь. Меры были предложены действительно грандиозные. В том же 1928 году был взят курс на окончательное сворачивание НЭПа и ускоренную индустриализацию.

Была проведена превентивная чистка «бывших» в госаппарате, научных и учебных учреждениях. К тому времени уже начали сказываться усилия по внедрению всеобщего образования и формированию «пролетарской интеллигенции». К тому же, благодаря Великой депрессии на Западе, Сталин сумел привлечь на стройки пятилетки огромное количество иностранных, в основном американских и немецких, инженеров. Поэтому, наряду с бывшими царскими офицерами, которые могли бы возглавить сопротивление крестьян, и представителями других привилегированных сословий, было вычищено немало старорежимных интеллигентов, кроме имевших большую ценность как ученые или инженеры.

При этом «бывшие» были не только уволены, но и поражены в правах и выселены в отдаленные районы Урала и Сибири. Причем в силу их не приспособленности к тяжелому физическому труду, шансов выжить у них было не много. Практически, значительная часть этих спецпереселенцев была сознательно обречена на смерть в полном соответствии с идеей уничтожения эксплуататорских классов.

Откликнувшись на лозунг об обострении классовой борьбы, ОГПУ приступило к фабрикации процессов над «вредителями» и «контрреволюционерами». Главной целью этих процессов также была чистка предприятий и органов управления от идеологически чуждых элементов и, прежде всего, от старорежимной интеллигенции. Первым пробным шаром, ознаменовавшим окончательный переход от НЭПа к «социалистическому наступлению»,

было «Шахтинское дело» – процесс о «вредительстве» в угольной промышленности, проведенный в 1928 году. По делу было привлечено 53 руководителя и специалиста угольной промышленности, треста «Донуголь» и ряда шахт Донбасса, в основном горных инженеров. 11 человек, в том числе «лидер преступной группы» горный инженер Николай Горлецкий, а также профессор, член Центрального совета экспертов

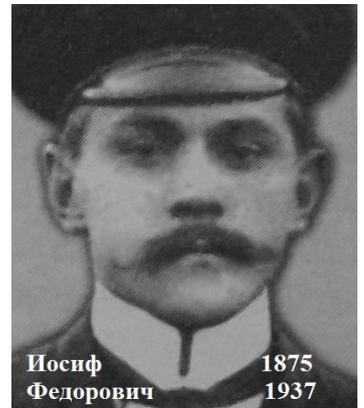

ВСНХ, анархист Петр Пальчинский, были приговорены к расстрелу. Осталь-

ные, в том числе основатель горноспасательного дела в России Иосиф Федорович и будущий Герой социалистического труда, академик Николай Чинокал, разработчик кислородно-конверторных систем в металлургии, были приговорены к заключению на срок от 1 года до 10 лет.

В 1930 году было «сшито» дело «Промпартии», о массовом вредительстве теперь уже в различных отраслях промышленности и даже в Госплане. По делу было осуждено около 2-х тысяч человек. Главным обвиняемым был объявлен профессор Леонид Рамзин, выдающийся теплотехник, член президиума Госплана

и ВСНХ. Пятеро подсудимых, среди которых, помимо Рамзина, были ректор

МВТУ Иван Калинин и профессор Николай Чарновский, были приговорены к расстрелу, который был заменен 10-ю годами заключения. В это же время развернулось и дело закавказской «Промпартии», благодаря которому возшла политическая звезда Лаврентия Берия.

Также в 1930 году начались процессы по делу о

несуществующей «Трудовой крестьянской партии», по которому в общей сложности было привлечено 1296 человек, включая таких известных экономистов, как Александр Чаянов и теоретик НЭПа Николай Кондратьев.

Для успешного развития своего культа, товарищ Сталин также должен был «слегка» изменить историю. Для этого понадобилось подчистить архи-

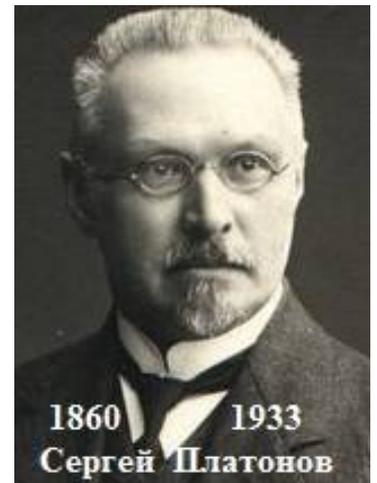
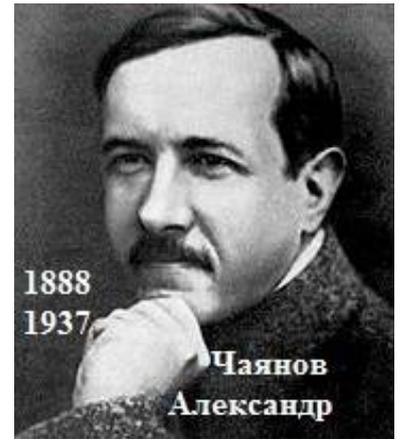

вы. А чтобы этот процесс прошел без сучка и задоринки, нужно было припугнуть многочисленных историков-архивистов и краеведов, чтобы быть уверенным, что они правильно понимают политику партии.

Для этого в Ленинграде в 1929 году вокруг Академии наук было сфабриковано «академическое дело», по которому было привлечено свыше 100 человек, в основном историков-архивистов. Затем к ним были присоединены еще 15 краеведов из Центрального краеведческого бюро. Среди осужденных были тогдашние и будущие академики: директор библиотеки АН СССР и Пушкинского Дома Сергей Платонов; историки Николай Лихачев, Евгений Тарле, Владимир Пичета, Степан Веселов-

ский, Сергей Бахрушин, Матвей Любавский, Сергей Рождественский, Юрий Готье, Дмитрий Егоров, Владимир Бенешевич и другие. Егоров умер в тюрьме, а Платонов, Лихачев, Любавский и Рождественский – в ссылке. Для остальных дело ограничилось трехлетней ссылкой, после которой они правильно поняли намек, были реабилитированы и верой и правдой служили партии и достигли высоких званий

и наград. Только убежденный монархист Бенешевич остался в тюрьме дожидаться своей пули 37-ого года отлива.

И в лагерях ситуация тоже изменились. В СЛОНе в 1929 году было инспирировано дело об организации среди заключенных подпольной организации, якобы готовившей массовый побег за границу.

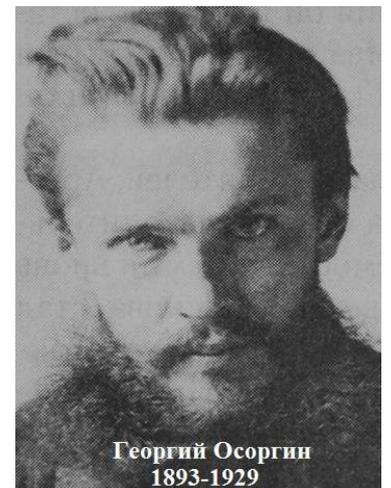

Уже в то время планировалось по полной привлечь заключенных к «ударному» труду на благо индустриализации. Поэтому целью этих фабрикаций стала «чистка» состава заключенных от царских и белых офицеров, которые могли бы организовать сопротивление. А также от больных, слабосильных и «отказников». По этому делу на Соловках было привлечено более двухсот человек. 51 заключенный был приговорен к расстрелу, из них 36-ти приговор был приведен в исполнение.

Эти события отражены в воспоминаниях академика Лихачева в виде мифа о благородном офицере, дворянине-интеллигенте Георгии Осоргине, а также о его собственном чудесном спасении. По версии Лихачева 28 октября Осоргин уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно приехала жена. Его выпустили из камеры смертников на свидание, обязав под честное слово дворянина не говорить ей, что его ожидает. «И он выполнил свое обещание, данное палачам». Причем неожиданный приезд жены Лихачев объяснял тем, что начальство на материке не знало о том, что творится на островах.

На самом же деле приезд родственников всегда сопровождался длительной перепиской и

согласованиями, как с местным, так и с высшим начальством. Осоргин был арестован и впервые допрошен по делу 14 октября, а жена, приехав 1 октяб-

ря, уехала 13-ого, проведя с ним 13 дней. Поэтому ни о каком неожиданном приезде речи не идет. И он в тот момент никак не мог знать, что вскоре будет арестован и расстрелян. Приговор же по делу №85245 был подписан в Москве членами Коллегии ОГПУ Бокием и Эхмансом 24 октября и приведен в исполнение 29 октября. К тому же Дмитрий Сергеевич записал Осоргина в интеллигенты, хотя тот был убежденным монархистом, не побоявшимся заявлять это даже на допросах, за что, собственно, и оказался в СЛОНе. А монархист-интеллигент это вообще-то нонсенс.

К самому же Лихачеву перед расстрелами приехали на свидание родители, с которыми он провел несколько дней в отдельном домике. Лихачев вспоминал, что в день расстрела ему сообщили, что за ним «приходили». Всю ночь он прятался в поленнице. Ему «стало все ясно». Он решил, что местные власти, решили для острастки расстрелять круглое число – 300 человек, а когда его не нашли, взяли кого-то другого. Поэтому он теперь должен прожить честную жизнь за двоих.

На самом деле в расстрельном «списке 36-ти» Лихачев не значился и никто его расстреливать не собирался. Внесудебные расправы над заключенными практиковались постоянно, а убитых проводили как умерших от тифа. Но массовые расстрелы по воле местной администрации, а тем более с составлением пофамильных списков, в то время в лагере не практиковались. И откуда взялась у него это число – 300, неизвестно. Но оно стало гулять по всем воспоминаниям, и было зафиксировано в «Архипелаге» Солженицына.

Все это я привожу не для того, чтобы обидеть заслуженного академика, а чтобы показать, что к мемуарам и воспоминаниям пожилых людей нужно относиться с большой осторожностью.

В советский период вопрос об идентификации русской интеллигенции стал особенно запутанным. Употреблялась масса прилагательных к этому слову: советская, трудовая, рабоче-крестьянская, старорежимная, буржуазная, дореволюционная, передовая, истинная и, наконец, гнилая. В Толковом словаре русского языка 1935 года интеллигенция определяется как «общест-

венный слой работников умственного труда, образованных людей». Это формальное, социально-экономическое определение позволяло включать в состав интеллигенции всех людей умственного труда, вне зависимости от их мировоззрения, воспитания и отношения к своей стране и ее строю.

На самом деле большая часть подпадающих под это определение людей относилась к интеллектуалам. Как же тогда отличить от них ту самую русскую интеллигенцию, наследницу пламенных борцов с самодержавием за европейскую культуру, которая в советское время практически растворилась в многочисленном отряде тружеников умственного труда. Как выделить крупицы истинных бриллиантов из огромной массы интеллектуальной породы?

Еще раз сформулируем признаки «истинной» интеллигенции. Помимо образованности это: гипертрофированное представление о собственной значимости, стимулирующее постоянные философские «искания»; сформулированное Лихачевым стремление к абсолютной интеллектуальной свободе; негативное мироощущение и связанное с ним неприятие окружающей действительности (народа и его государства); антисистемное мышление, порождающее стремление превратить Россию в милую их сердцу Западную Европу. При этом, если интеллигенты и признавали необходимость построения социализма, то непременно с европейским лицом. Что это такое – никто не знал, но необходимость сомнению не подлежала.

Казалось бы, эти критерии позволяют четко идентифицировать интеллигенцию. Но проблема в том, что в условиях тоталитарного государства, все эти качества тщательно скрывались за бодрыми клятвами в верности коммунистическим идеалам. В сталинский период интеллигенция переместилась с социального на кухонный уровень. И судить о ее существовании можно только по каким-то обрывочным и косвенным признакам. Поэтому, даже приблизительно невозможно оценить численность наследников старорежимной интеллигенции, пущенной Сталиным в распыл.

Также как и до революции, когда русская интеллигенция состояла из двух частей: либералов и радикалов, при советской власти интеллигенция

разделилась на «непримиримых» и «молчаливых». При этом и те и другие фактически оказались во внутренней эмиграции, которая время от времени переходила во внешнюю. За что интеллигенция и получили прозвище – гнилая.

Из воспоминаний интеллигентов видно, что больше всего они страдали от отсутствия той самой интеллектуальной свободы. При этом они не могли понять, что своей многолетней борьбой за свержение самодержавия, а затем полнейшей импотенцией в самый ответственный момент, когда власть свалилась им в руки, они и породили тоталитарный большевистский режим. Как говорится, за что боролись – на то и напоролись!

Сменовеховцы не понимали, что марксистско-ленинская антисистема, как и любая антисистема, имеет принципом своего существования ложь. Поэтому для нее всегда неизбежно появление «министерства Правды» и «министерства Любви». Причем, если с созданием министерства Любви большевики вполне справлялись самостоятельно, то для формирования министерства Правды, в силу грандиозности стоявших перед ним задач, им была необходима помощь интеллигенции.

Этими задачами были: культурная революция, включающая в себя обеспечение всеобщей грамотности; а также формирование коммунистической идеологии и воспитание нового советского человека. В 30-е годы к этому добавилась задача создания культа личности вождя.

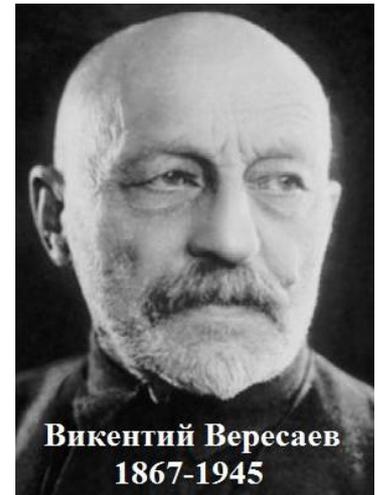
Интенсивный процесс формирования советского человека потребовал широкого использования внешкольного воспитания. Это привело к бурному росту культурно-просветительских учреждений: библиотек, клубов, музеев и т.д. и, соответственно, к существенному росту числа культурно-просветительских работников.

В первые годы, когда идеологические гайки еще не были закручены, интеллигенция продолжала резвиться в своих ложах и кружках, поддерживая «безграничную интеллектуальную свободу». Задачи идеологического воспитания тогда решались силами «пролетарских интеллигентов», таких как:

Александр Серафимович, Александр Фадеев, Михаил Шолохов, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Аркадий Гайдар, Дмитрий Фурманов, Николай Островский и «интеллигентов-большевиков»: Луначарского и Надежды Крупской, а также поддержавших большевистский переворот «старых» интеллигентов:

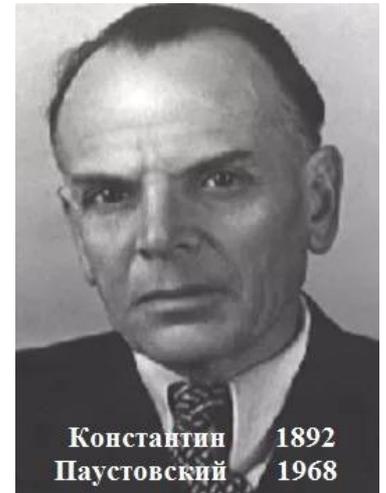

Тимирязева, Александра Покровского, Алексея Толстого,

Викентия Вересаева, Бориса Пастернака (в 20-е годы), Константина Федина, Константина Паустовского, Ильи Эренбурга и представителей «богемы»: Маяковского, Блока, Брюсова, Евгения Вахтангова, Всеволода Мейерхольда и других.

Но в связи с грандиозностью поставленных задач одних только добровольных помощников было недостаточно. После проведенной операции устрашения, Сталин поставил перед гуманитарной интеллигенцией дилемму: либо стать бойцами идеологического фронта, либо раствориться на островах архипелага⁶. Поэтому отделаться простой лояльностью режиму гуманитарная интеллигенция уже не могла.

Лишь небольшая часть «непримиримых» ушла в «катакомбы». Еще некоторое число, подобно Лихачеву, сумело найти свою «поленницу дров», нейтральную полосу, вроде славистики или востоковедения, куда почти не добиралась идеология, и в которой им удалось переждать коммунистическую антисистему. А некоторые, как

⁶ - имеется в виду ГУЛАГ.

тот же Лихачев, даже успели убедиться в правоте восточной мудрости: «Если

1894 1958
Михаил Зощенко

долго сидеть на берегу реки – то рано или поздно увидишь проплывающий мимо труп твоего врага». Но большинство приняло «предложение, от которого невозможно отказаться». И каждый из них умелой рукой вождя был приставлен к делу, соответствующему его способностям и возможностям.

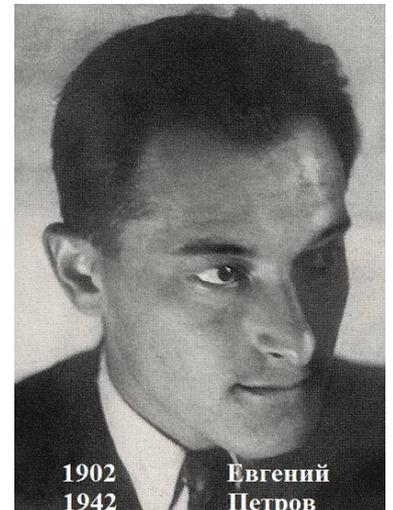
Так Покровский и Брюсов, под зорким оком Крупской, обеспечивали идеологически выдержанный подбор книг и библиотечных кадров в растущей сети библиотек. Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров сатирой клеймили НЭП и обосновывали ликвидацию связанных с ним «бывших» и нэпманов. Маяковский выдавал «на гора» поэтические произведения, поднимающие энтузиазм молодых строителей социализма.

1882 1969
Корней Чуковский

Самуил Маршак и Корней Чуковский создавали новую советскую детскую литературу. Писатели-интеллигенты, совместно с пролетарскими коллегами, ковали идейно выдержанные литературные произведения.

Публицисты и журналисты раскрывали перед читателями грандиозные замыслы и светлые перспективы, а также вскрывали происки «подлых врагов». Здесь лучше всех устроился Эренбург. До 1940 года он, в качестве корреспондента газеты «Известия» проживал на Западе, где, используя свою литературную из-

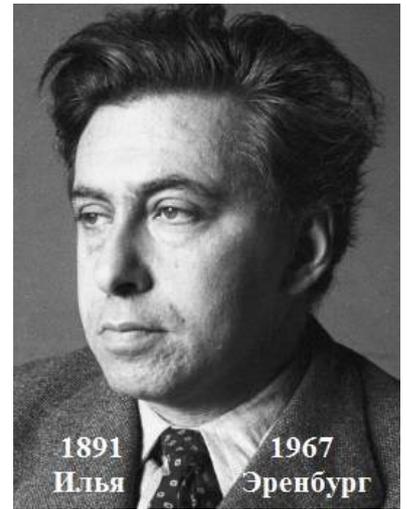
1902 1942
Евгений Петров

Самуил Маршак 1877 1964

вестность, успешно работал над созданием положительного образа страны Советов. А заодно также успешно агитировал наиболее известных интеллигентов за возвращение на Родину.

Драматурги, кинематографисты, актеры штамповали высокоидейные спектакли и кинофильмы. А так как товарищ Сталин разделял утверждение Ленина о том, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино», то процесс создания кинематографических шедевров протекал под его личным контролем. Причем, даже бывший розенкрейцер Эйзенштейн был успешно поставлен на службу его тоталитарному режиму.

И все эти интеллигенты, каждый на своем месте, вносили посильный вклад в дело укрепления и развития культа личности Сталина.

Поэтому утверждение профессора Соколова о том, что только «творчески активная и этически определившаяся часть общества, создает, хранит и распространяет идейное содержание своей эпохи», в советский период звучит особенно смешно. Определять то она определяла, но только под бдительным оком идеологического отдела ЦК.

Самым известным на Западе писателям: Горькому и Толстому поручались самые важные задания. В 1929 году в Европе разразился большой скандал. Бежавший с Соловков заключенный написал книгу об ужасах, творившихся в концлагерях на заготовках леса. Великобритания даже приостановила закупку древесины в СССР, из-за чего возникла угроза сокращения валютных поступлений. Тогда Горький был специально вызван из теплого Сорренто и командирован в СЛОН. Оценив увиденное, как «небывалый, фантастично удачный опыт перевоспитания общественно опасных людей в условиях свободного общественно полезного труда», Горький успокоил мировую общественность и с «чистой душой» вернулся в Италию.

Также некоторые полагают, что своей злобной статьей «О русском крестьянстве» 1922 года он вдохновил товарища Сталина на раскулачивание,

коллективизацию и организацию Голодомора. «Великому гуманисту» принадлежит и знаменитая максима: «Если враг не сдается – его уничтожают!». Возможно, именно она укрепила вождя в мысли перейти от практики «перековки» к уничтожению своих врагов.

В 1933 году Горький вместе с Толстым блестяще справился с заданием написать оду сталинской «перековке» врагов и гимн ОГПУ – сборник «Бело-морско-Балтийский канал имени Сталина», в котором «попросили» участвовать еще 36 писателей, среди которых можно отметить Валентина Катаева,

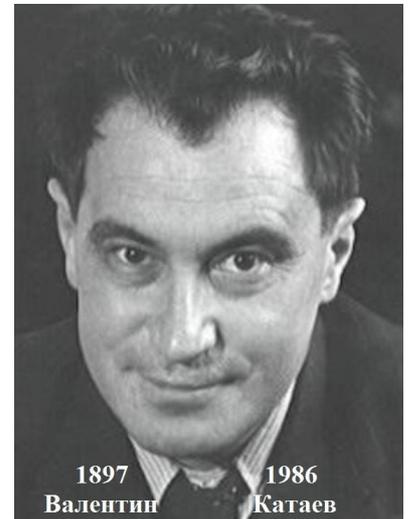

Виктор Шкловский 1893–1984

Виктора Шкловского, Всеволода Иванова и Михаила Зощенко. Гимн первой гигантской стройке, которая осуществлялась исключительно силами заключенных, блистательным чекистам и личному другу Горького, Генриху Ягоде удался на славу. Книга получилась столь яркой, что в написанное, по видимому, поверили и ее авторы. То есть в процессе работы над ней «перековке» подверглись и сами

писатели – наши добрые интеллигенты.

Остается только поражаться политической прозорливости «корифея всех наук». В 1931 году он заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Можно конечно предположить, что глобалисты, начавшие подготовку 2-ой мировой войны, поделились с ним своими планами. Но если не рассматривать эту фантастическую версию, то можно утверждать, что в способности предсказать сроки начала войны Сталин не уступил самому Вольфу Мессингу.

1897–1986
Валентин Катаев

Мировая закулиса действовала в полном соответствии с законами диалектики. Тезис – нацистская Германия, антитезис – коммунистическая Россия, синтез – новый мировой либеральный порядок. Вот почему те же силы,

что финансировали приход к власти Гитлера, помогали Сталину реализовывать планы первых пятилеток. Причем помощь Запада большевикам, после изгнания их прямого ставленника Троцкого, не только не прекратилась, но даже усилилась. Техника, технологии, специалисты текли в Россию рекой. Одних только американских инженеров на стройках пятилетки работало более 5-ти тысяч. Генри Форд поставил конвейерные линии для сборочных цехов первого советского автозавода. Советские инженеры и рабочие проходили стажировку в Америке. Все крупнейшие стройки 1-ой пятилетки: ДнепроГЭС, Кузнецкий и Магнитогорский металлургические комбинаты, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные и Нижегородский автомобильный заводы строились при участии американских инженеров, с использованием американских технологий и оборудования.

И объяснялось это не только Великой депрессией. Для того чтобы в будущем «уцелевшие» безропотно приняли новый мировой порядок, планируемая бойня должна была стать очень разрушительной и кровопролитной. А для этого необходимо было обеспечить достаточную экономическую и военную мощь основных участников столкновения. Вот почему мировая закулиса помогала и нацистской Германии и Советской России.

Сталин не останавливался ни перед чем, чтобы успеть подготовиться к неизбежной войне. Единственным источником средств для обеспечения индустриализации могло быть только тотальное ограбление крестьянства. Поэтому была задумана и осуществлена сплошная коллективизация, крестьяне были лишены паспортов, загнаны в колхозы и превращены в крепостных. А чтобы подавить активное сопротивление, было осуществлено превентивное раскулачивание, то есть изъятие из крестьянских общин наиболее самостоятельных, решительных и способных к сопротивлению членов.

Работающие русские мужики рвали жилы на лесоповале, пытались спасти свои семьи от смерти. Своим ударным⁷ трудом они добывали валюту для

---

⁷ - ударникам полагалась повышенная пайка и сокращение срока высылки.

строек первой пятилетки. Другим же источником поступления валюты стал экспорт зерна, которое практически даром забиралось у колхозников.

Для обеспечения бесперебойного экспорта зерна, необходимого для финансированиястроек и обеспечения растущей численности городского населения, мало было загнать крестьян в колхозы. Нужно было заставить их там ударно работать, да еще практически бесплатно.

Подневольный труд всегда малоэффективен. В первые три года после коллективизации производство сельхозпродукции резко упало. Соответственно, существенно сократился и экспорт зерна, дававший основные поступления валюты на нужды индустриализации.

Экономических стимулов крестьянам Сталин, разумеется, предложить не мог, поэтому сделал ставку на страх. Но это должен был быть не просто страх. Необходим был вселенский ужас! И Сталин его обеспечил, организовав Голодомор. Да это был именно искусственно организованный Голодомор, а не вызванный природными причинами голод, подобный трагедии 1921-1922 годов. В районы, срывавшие план поставок, Сталин отправил своих опричников, борцов с «саботажем», которые массовыми репрессиями и пытками заставляли колхозников сдавать практически весь хлеб. В наиболее провинившихся округах, внесенных в «черный список», дополнительно осуществлялась полная остановка всякой торговли, закрытие магазинов, закрытие всех кредитов, дополнительное обложение высокими налогами, арест и высылка всех «саботажников».

Одновременно, был принят знаменитый указ «О трех колосках», по которому за кражу нескольких оставшихся гнить на полях картофелин или колосьев голодающие осуждались на 10 лет или даже приговаривались к расстрелу. Миллионы людей умирали от голода, но колхозный хлеб тронуть не смели. Когда же сотни тысяч обезумевших голодных устремились в города, их встретили заградотряды ОГПУ. Сталин конечно мог бы позволить этим людям устроиться на расположенные в этих же регионах гигантах 1-ой пятилетки и спасти их от смерти, но это в его планы не входило.

Как и раскулачивание, этот искусственный голод, унесший несколько миллионов жизней, стал одним из проявлений геноцида, направленного против крестьянства, как наиболее устойчивой к внешним воздействиям части природных этносов. Сталин уже тогда окончательно понял, что с крестьянством социализм не построишь. Поэтому ломка природных стереотипов поведения и являлась еще одной задачей массовой коллективизации. Не случайно 1929 год был назван годом «Великого перелома».

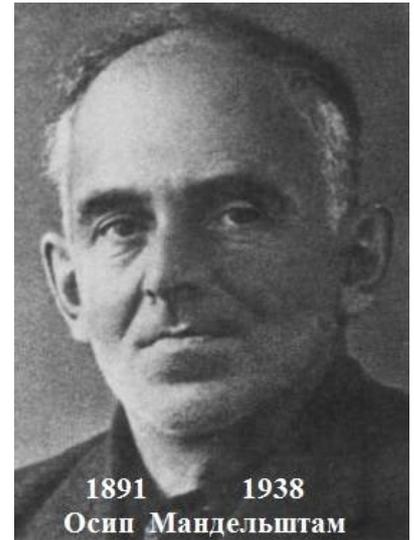
Организовав чудовищный голод, Сталин ясно дал понять крестьянам, что он не остановится ни перед какими злодеяниями, чтобы заставить их принять социалистические ценности и работать в колхозах так, как лучшие из них раньше работали на себя. Тем более что наблюдавшийся всю первую четверть XX века переизбыток рабочих рук на селе, позволял ему без особых потерь для государства уничтожить несколько миллионов «лишних» людей, не вписывавшихся в социалистическую систему. Не случайно от голода больше всего пострадали именно те регионы, где наблюдалось наиболее массовое и ожесточенное сопротивление раскулачиванию и коллективизации. И надо признать, что ему удалось переломить ситуацию. Страх голодной смерти и начавшаяся все же механизация села способствовали тому, что уже в 1934 году началось восстановление сельскохозяйственного производства.

А что же русская интеллигенция? Как она прореагировала на это чудовищное преступление. Да, собственно, никак. Только Михаил Шолохов, которого к истинной интеллигенции вряд ли можно отнести, решился написать письмо Сталину, но после суровой отповеди, замолчал. Настоящие же интеллигенты в это время были либо в лагерях, либо в ссылке. Но даже и те, что успели вернуться, или не были еще затронуты репрессиями, никак себя не проявили. К тому же, из их лагерной жизни мы видим, что спасали и заботились они только о своих. Судьба прочего народа их мало интересовала. Только Осип Мандельштам в 1933 году откликнулся самоубийственным стихотворением

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

Только клетот кремлевского горца –
 Душегуба и мужикоборца.

Хотя к русскому крестьянству основная масса интеллигенции относилась не столь враждебно, как Горький, но к тому времени уже видела в косной крестьянской массе главное препятствие на пути к светлому европейскому будущему. И их потомки в своих произведениях, посвященных сталинским репрессиям, все внимание уделяли только событиям 37-го года. Трагедия крестьянства их не слишком волновала.

Итак, та часть дореволюционной технической интеллигенции, которая пережила «чистки» и процессы «вредителей» и в основном перешла на позиции сменовеховцев, была мобилизована на обеспечение ускоренной индустриализации и передачу своего опыта и знаний новому поколению рабоче-крестьянских интеллектуалов.

Гуманитарная же интеллигенция была вовлечена в процесс идейно-художественного обеспечения культурной революции, формирования нового советского человека, обеспечение торжества марксистко-ленинской идеологии и, наконец, культа личности Сталина.

А пока интеллигенция была занята важным делом, товарищ Сталин, очистив государственные органы от «бывших» и разгромив реальных противников, сосредоточился на борьбе со своими соратниками. Он поставил себе грандиозную цель – уничтожить всех старых большевиков, носителей идеологии, замешанной на идеях мировой революции. То есть, сохранив внешнюю оболочку, уничтожить носителей ленинской антисистемы. Сталин был государственным мечтателем, мечтавшим возродить Российскую империю, и все эти догматики-интернационалисты ему сильно мешали. К тому же они знали его еще как Кобу, а не божественного вождя, и этим могли помешать развитию его культа.

К уничтожению старых большевиков Сталина могли подтолкнуть и слухи о стремлении некоторых высокопоставленных партийцев заменить его на Сергея Кирова. А также итоги тайного голосования по кандидатурам в члены ЦК на XVII съезде ВКПб в 1934 году. Согласно показаниям свидетелей, против кандидатуры Сталина было подано около 300 голосов.

И в 1934 году, после убийства Кирова была запущена машина репрессий против уже самой партии большевиков. Открывались репрессии делом Зиновьевской группы в Ленинграде и Москве, по которому были арестованы Каменев, Зиновьев и их сторонники. Одновременно была проведена чистка партии, из которой было исключено 18% ее членов. В наркоматах начались аресты сторонников членов ЦК и Политбюро.

Но начало новой волны массовых репрессий объяснялись не только внутривнутрипартийной борьбой. Была и еще одна прозаическая, но очень зловещая причина. В 1933 году начались перебои с валютными резервами. Иностранцы специалисты в основном покинули СССР. Несмотря на небывалый энтузиазм комсомольской молодежи, воспетый Маяковским:

«Темно свинцовоночие,
и дождик толст, как жгут,
сидят в грязи рабочие,
сидят, лучину жгут.

Сливеют губы с холода,
но губы шепчут в лад:
«Через четыре года

Здесь будет город-сад»»,

Владимир Маяковский
1894-1930

средств на осуществление гигантских планов катастрофически не хватало. К тому же в 1933 году крестьяне-спецпереселенцы были восстановлены в правах, хотя и с запретом на выезд из мест поселений. Тем не менее, теперь их труд уже нужно было оплачивать также как и обычным гражданам. А в концлагерях труд заключенных, несмотря на все издевательства, был организован крайне бестолково. Да и количество заключенных было еще относительно невелико.

Но еще в 1929 году бывший заключенный Нафталий Френкель предложил эффективную систему выжимания из «сидельцев» максимума возможного при минимуме вложений. Ему принадлежит знаменитое изречение: «Нужно взять от заключенного все в первые три месяца, потом он нам не нужен». Система получила одобрение вождя, а ее автор был назначен руководителем работ на строительстве Беломорско-Балтийского канала, который был успешно завершён в намеченный срок.

Удачный опыт был распространён и на другие проекты, реализовывавшиеся в особо трудных природно-климатических условиях, и вскоре ОГПУ-НКВД превратилось в гигантскую строительную организацию. А бывший «зэк» стремительно поднялся по служебной лестнице и дослужился до звания генерал-лейтенанта. Родина отметила его заслуги тремя орденами Ленина. И, наконец, главная по тем временам награда – он спокойно умер своей смертью в 1960 году.

Лагерная «экономика» непрерывно разрасталась, захватывая все новые отрасли. Чудовищный монстр под названием ГУЛАГ требовал для своего ненасытного чрева все новых жертв. С 1934 по 1941 годы численность заключённых выросла с 500 тыс. человек до 2 млн. 400 тыс. И это при том, что от «гуманных» условий содержания за 10 лет погибло более 960 тыс. человек.

Когда-то ордынцы могли позволить себе уводить в рабство столько русских людей, сколько им было нужно. Но передовая Конституция 1936 года просто так хватать людей на улицах и отправлять в лагеря не позволяла. Поэтому в НКВД, как в «хозяйствующий» субъект, находящийся на самообеспечении, стали спускать не только производственные планы, но и планы по разоблачению «врагов народа». Требования были весьма строгими, и в случае их невыполнения чекисты отправлялись «на распыл» вместе со своими жертвами. Поэтому «министерство Любви» всячески поощряло доносы граждан друг на друга, развивая соревнование – кто на кого быстрее донесет. И надо признать, что это находило широкий отклик и понимание среди простого населения.

Но с середины 30-х годов появились и персональные расстрельные списки старых большевиков и других партийных и государственных функционеров, по каким-либо причинам опасных для Сталина, и утверждаемые им самим и его ближайшим окружением. Для оформления таких дел уже приходилось выбивать показания у всего окружения жертв, для чего широко применялись пытки.

37-ой и 38-ой годы потрясли современников не только числом осужденных, но именно количеством расстрельных приговоров. Так из 800 тыс. человек, расстрелянных за весь период нахождения Сталина на посту генсека, около 690 тыс. были приговорены к высшей мере в 1937-38 годах. А всего из 4 млн. осужденных за этот же период, 1.35 млн. были осуждены в 37-38 годах. Товарищу Сталину удалось-таки уничтожить практически всю ленинскую гвардию с ее безумными интернационалистическими идеями. Всех тех, кто осуществлял красный террор в гражданскую, уничтожал и морил голодом крестьянство. И за это ему большое человеческое спасибо.

Вместе с ними, на всякий случай, были уничтожены и многие из осужденных в прошлые годы интеллигентов, от поэта Мандельштама до розенкрейцера Зубакина. Но Сталин не мог открыто объявить свою цель. Поэтому, к сожалению, в эти годы вместе с большевиками, благодаря усердию «органов», работники которых испытывали такой же страх за свою жизнь, было уничтожено и репрессировано огромное количество простых граждан. А вслед за ними пошли и сами ударники «министерства Любви», которые могли догадываться о замысле Великого вождя.

Страх перед заговором высокопоставленных военных, группировавшихся вокруг Тухачевского и региональных партийных вождей, был столь велик, что Сталин лишил «эффективного менеджера» Френкеля почти 700 тыс. рабов, столь необходимых для ненасытного чрева ГУЛАГа, предпочтя заключению расстрел. Несмотря на то, что эти огромные потери повлияли на выполнение планов 2-ой Пятилетки, вождь не стал останавливать «трудолюбивых» чекистов, чтобы не выдать свой замысел.

Не менее трагические события происходили и в культурной сфере.

« Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног».

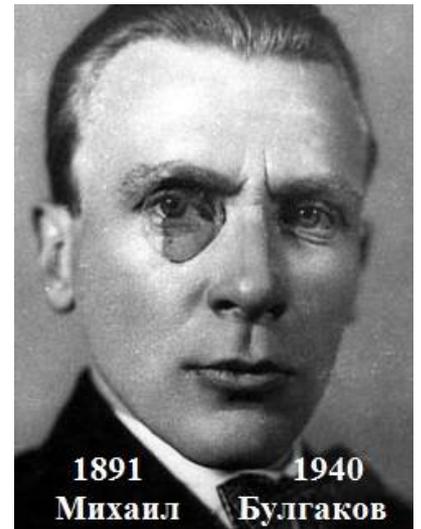
В полном соответствии с приведенными строками «Интернационала», отражающими футуристическое ощущение времени, свойственное любой ан-

1874 1940
Всеволод Мейерхольд

тисистеме, большевики объявили прошлое позорным и недостойным упоминания, а его «пережитки» – главным тормозом на пути формирования нового советского человека. Поэтому история, религия и дореволюционная литература и искусство предавались анафеме. На передний план выходило новое пролетарское искусство и здесь футуризм Маяковского и «театральный Октябрь» Мейерхольда были весьма кстати.

Но поистине звериное чутье Сталина помогло ему понять, что процесс выращивания нового советского человека слишком долг и труден. И что лишение людей исторической памяти и превращение их в новых манкуртов, может обернуться катастрофой в предстоящей войне. Хотя возможно на эту мысль его натолкнула изъятая ОГПУ повесть Михаила Булгакова «Собачье сердце». Великий вождь понял, что победа в предстоящей битве будет возможна, только если война станет Отечественной. А для этого, как минимум, нужно было вернуть людям само Отечество.

1891 1940
Михаил Булгаков

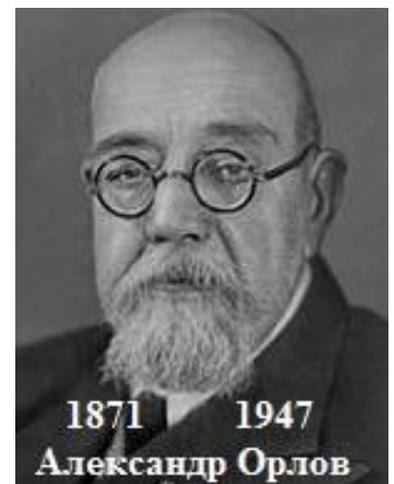
Поэтому, после разгрома партии большевиков в идеологической политике произошел резкий разворот. В 1937 году, в разгар репрессий, с небывалым размахом был отмечен столетний юбилей смерти Пушкина, что тогда воспринималось как гром среди ясного неба. И вскоре усилиями сталинской пропаганды великий русский поэт был превращен в «советского святого».

Вместе с ним в школьную программу и умы советских людей вернулась классическая русская литература и великая русская история. Эти изменения хорошо заметны по кинематографу. На смену «Броненосцу «Потемкину»» и «Чапаеву» пришли: «Петр 1», «Александр Невский» и «Минин и Пожарский», которые снимались под личным контролем Сталина.

Революционная интеллигенция всегда относилась к Пушкину довольно прохладно, а Маяковский с футуристами и вовсе отправили его вместе с русской классикой на «свалку истории». Нельзя сказать, что имя Пушкина совсем было предано забвению. Еще в 1930 году на базе «Пушкинского дома» был создан институт русской литературы. Но тогда интерес к Пушкину и русской классике носил чисто академический характер. Теперь же по команде сверху «свободомыслящая» интеллигенция в кратчайшие сроки на высоком идейно-художественном уровне превратила Пушкина в наше «все».

Но в данном случае можно говорить не об интеллигенции, а об отдельных интеллигентах. В тот период интеллигенция, как социальная группа, перестала существовать. Для функционирования социальной группы необходимо взаимодействие входящих в нее индивидов. Но после ужасов 37-38 годов каждый из оставшихся в живых интеллигентов забился в свою норку и ни о каком взаимодействии не помышлял. Только отдельные герои-самоубийцы, вроде Мандельштама, поднимали голову «над бруствером», тут же получая пулю в лоб.

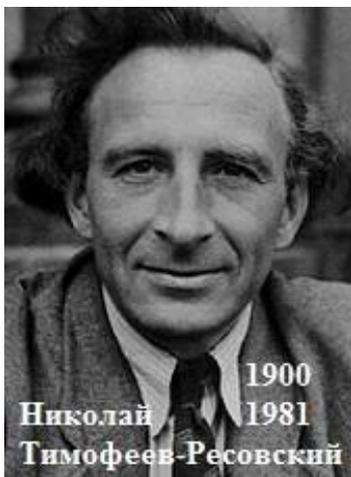
Наибольшее число «норок» концентрировалось в академических институтах, которые на некоторое время стали своеобразным карантинном, в котором отдельные интеллигенты переживали «худшие времена». Крупнейшим прибежищем русской интеллигенции стал «Пушкинский дом» и в особенности, отдел древнерусской литературы, руководимый академиком Александром Орловым, в котором трудился Дмитрий Лихачев. Еще одним «островком

интеллигентности» по выражению профессора Соколова стала Всесоюзная библиотека иностранной литературы». Были такие «островки» и в других крупных библиотеках.

Разрастание ГУЛАГа затронуло и интеллектуалов-технарей, верой и правдой служивших стране Советов. Служба их стала столь обширна, неотложна и затратна, что оказалась государству не по карману. Но война была уже не за горами, и выход был найден нетривиальный. Почти все наиболее известные ученые, конструкторы и инженеры, работавшие в военной промышленности, в результате умелых «следственных действий» были изобличены как враги народа и посажены в элитные тюрьмы ГУЛАГа, именуемые ОТБ (особое техническое бюро), а в просторечии – «шараги».

В них эти специалисты выполняли те же проекты, что и на воле, но только не за большую зарплату, а за право не попасть в колымские лагеря. Среди наиболее известных обитателей «шараг» можно отметить выдающихся авиаконструкторов: Туполева, Владимира Мясищева, Владимира Петлякова, Николая Поликарпова; основоположника советской космонавтики Сергея

Королева; выдающегося конструктора ракетных двигателей Валентина Глушко; выдающегося математика, академика Николая Кошлякова; выдающегося конструктора авиационных двигателей, академика Бориса Стечкина; Тимофеева-Ресовского; Александра Солженицына, а также уже знакомых нам «старых вредителей» Рамзина и Чинокала.

Одной из жертв культа личности Сталина стал сам Иосиф Виссарионович. Ни один человек не способен длительное время выдерживать эти бесконечные потоки славославия и при этом не утратить чувства реальности. И к концу 30-х годов здравый смысл и политическое чутье изменили вождю. Действительно гигантские успехи в социалистическом и военном строительстве, сопровождавшиеся колоссальными жертвами, сменились грубыми просчетами.

Волюнтаризм «корифея всех наук» впервые проявился в разгроме генетики и ее сторонников во главе с академиком Николаем Вавиловым. В противовес этим «буржуазным прихвостням» был выдвинут безграмотный, но социально близкий «академик» Тимофей Лысенко. Его деятельность нанесла серьезный урон сельскому хозяйству. Та же участь после войны постигла и кибернетику.

Но гораздо более серьезные последствия «непогрешимость» Сталина имела в вопросах военного строительства, проявившись в перекосах пропорций бомбардировочной и истребительной авиации, в совершенно безумном расходовании ресурсов на производство огромного числа устаревших и малоэффективных легких танков. Если судить по сухим цифрам, то СССР перед войной имел просто подавляющее превосходство над Германией по танкам и самолетам. Но, во-первых, большинство самолетов были устаревших моделей, а во-вторых, качество подготовки огромного летного состава не выдерживало никакой критики. Еще хуже было положение с бронетехникой. Большая часть старых танков выработала свой ресурс и была разукомплектована. К тому же эта армада была размазана по многочисленным воинским частям. Стратегия по созданию крупных танковых соединений отсутствовала, как отсутствовало и умение высшего командного состава эффективно такие соединения использовать.

Серьезные последствия имел и разгром высшего и даже среднего военного руководства, случившийся перед самой войной в связи с заговором Тухачевского, который усугубил и так довольно плачевное состояние с образованием командного состава Красной армии. К тому же он совпал с резким ростом численности Красной армии и, соответственно, численности командных должностей. В результате многие командиры нижнего и среднего звена не имели даже таких простейших навыков, как умение читать карту и двигаться по компасу, не говоря уж о способности управлять крупными современными соединениями.

Колоссальный ущерб обороноспособности страны нанесла уверенность Сталина в его прозорливости в отношении определения срока начала войны. Это привело к тому, что основные соединения были размещены в новых западных округах на необорудованных театрах военных действий. К тому же перед самой войной началось их масштабное переформирование при отсутствии новых мобилизационных планов, создание которых завершить не успели. Старые укрепрайоны были уничтожены, а укрепрайоны вдоль новой границы только начали строить. Положение усугублялось отсутствием какой-либо стратегии ведения оборонительной войны, так как это противоречило сталинской установке на победоносный наступательный удар «малой кровью на чужой территории».

Все это привело к колоссальной катастрофе лета 1941 года. Но нужно отдать должное «великому вождю». Отрезвление, а также проявленная им сила воли, позволили Сталину, в конечном счете, исправить собственные роковые ошибки. Правда за их исправление советскому народу пришлось заплатить 27-ю млн. жизней, но чем больше проходит времени, тем больше мы убеждаемся в верности утверждения, что победителей не судят.

Из лагерей на высшие командные должности были возвращены многие талантливые полководцы, такие как маршал Рокоссовский; маршал авиации Ворожейкин; генерал армии Горбатов; генерал-полковники Цветаев и Юшкевич; генерал-лейтенанты Елисеев, Букштынович и Чанышев.

Назначенные после чисток 37-ого года грамотные и энергичные молодые наркомы, такие как Алексей Косыгин, Николай Байбаков, Дмитрий Устинов и другие, в тяжелейших условиях сумели обеспечить переброску за Урал заводов тяжелой промышленности и многократно увеличить выпуск оборонной продукции.

Катастрофа 1941 года наглядно показала, что для удержания фронтов одной коммунистической идеологии оказалось мало. Гигантская цифра сдавшихся в плен (2.3 млн. за первые месяцы) объяснялась не только неподготовленностью войск. Несмотря на большое число коммунистов и комсо-

мольцев, героически умиравших с именем Сталина на устах, основная масса мобилизованных крестьян за колхозную коммунистическую утопию погибать не хотела. Не случайно, на 1 млн. партизан на оккупированных территориях приходилось примерно столько же полицаяев. А из общего числа в 5 млн. военнопленных, 1 млн. вступил в РОА⁸ генерала Власова.

С самого начала на всей русской равнине развернулась не только горячая, но и идеологическая война. Фашисты в надежде обеспечить лояльность населения, также как когда-то монголы, сделали ставку на православную церковь. На всех оккупированных территориях повсеместно открывались церковные приходы, возобновлялась церковная жизнь.

Понимая все это, Сталин также обратился за помощью к гонимой им церкви. Тем более что митрополит Сергей в первый же день выпустил воззвание к верующим: «С Божией помощью ...развеять в прах фашистскую вражескую силу...» и благословил на «...предстоящий всенародный подвиг». Практически уже уничтоженная к тому времени русская православная церковь, в отличие от интеллигенции, обозначила четкую позицию: когда Отечество в опасности – проблемы взаимоотношения с богоборческой властью должны отойти на второй план.

В ответ вождь осадил своих наиболее злобных псов, таких как руководитель «Союза воинственных безбожников» Миней Губельман. Притеснения церкви были прекращены. Позднее было дано разрешение на возрождение патриаршества, начали восстанавливаться приходы и монастыри. Все это, наряду с учреждением орденов Суворова, Нахимова, Ушакова, Кутузова, Александра Невского, гвардейского звания, возвращением погон и «контрреволюционного» слова офицеры, вернуло людям, уже почти превращенным в манкуртов, забытое понятие Отечества, за которое жизнь отдать – дело святое! А многочисленные зверства, творимые фашистами на оккупированных территориях, лишили даже самых доверчивых всяких иллюзий, что позволило уже окончательно переломить ситуацию. Тогда вся страна, ценой колос-

---

⁸ РОА – Русская освободительная армия

сальных жертв и невероятного напряжения, сумела отразить нашествие объединенной Гитлером Европы и спасти русскую цивилизацию.

А что же интеллигенция? «Непримиримые», такие например, как духовные наставники Лихачева Андриевский и Аскольдов-Алексеев, оказавшись в Новгороде на оккупированной территории, пошли на сотрудничество с фашистами. При отступлении немцев в 1944 году, за заслуги перед Рейхом их вывезли в Потсдам, в «Русскую деревню», где собирались такие же коллаборанты. Аскольдов умер при аресте НКВД, а Андриевский, как более молодой и шустрый, сумел сбежать в западную зону оккупации и еще долго подвизался в США. Дмитрий Сергеевич в своих воспоминаниях о замечательных педагогах отмечал, что Аскольдов был захвачен немцами и увезен в Германию, а Андриевский в США выпускал замечательные работы по истории церкви. На самом деле оба сотрудничали в пропагандистских немецких изданиях, а Андриевский в своих «замечательных» работах пропагандировал «катакомбную церковь», ту самую церковь, в числе праздников которой и сегодня присутствует 22 июня – день начала крестового похода против большевизма, а также дни поминовения: святого праведника Адольфа Гитлера; святых новомучеников Константина Воскобойника⁹ и Бронислава Каминского¹⁰.

«Молчаливые» же и во время войны продолжали оставаться во внутренней эмиграции. Меня поразило, что в «Воспоминаниях» Лихачева период Великой Отечественной войны вообще отсутствует. Есть только подробное описание пережитых им ужасов блокады. И хотя немцы упоминаются в этом рассказе несколько раз, но при чтении все равно почему-то возникает ощущение, что блокаду организовали не немецкие войска, а заградотряды НКВД.

Память академика воспроизвела многие мелкие подробности, например, цену, за которую при подготовке к эвакуации была продана каждая из милых его сердцу вещей. Но она не сохранила воспоминания о том, без чего

---

⁹ Воскобойник – организовал на территории Брянщины лояльную немцам Локотскую республику.

¹⁰ Каминский – инженер-технолог, «вредитель», агент НКВД, бригаденфюрер СС, руководитель Локотской республики после смерти Воскобойника, создатель русской дивизии СС РОНА, основными задачами которой было уничтожение партизан, жидов и коммунистов. После отступления немцев РОНА участвовала в подавлении Варшавского и Словацкого восстаний.

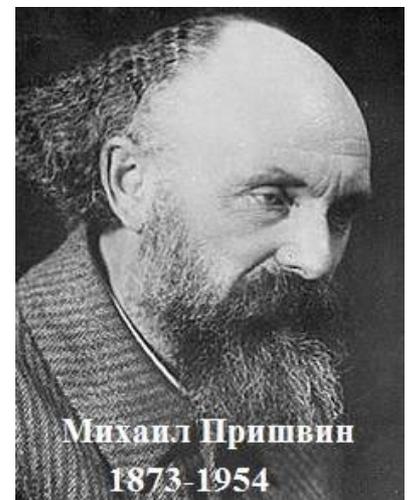
невозможно, немислимо представить воспоминания человека, пережившего годы войны – воспоминания о дне великой Победы! И в воспоминаниях о послевоенных годах он ни разу не употребляет слово фронтовик. Единственные фронтовики для него – это расквартированные в Пушкинском доме моряки с подводной лодки, которые загадили и разворовали многие экспонаты. При описании освобожденного Новгорода чувствуется боль автора за бесценный памятник архитектуры, поврежденный советским снарядом, и только вскользь и как-то отстраненно упоминается о погибших советских солдатах. Тех десятках тысяч простых людей, сложивших голову при освобождении этого бесценного памятника. И даже по поводу написания в блокадном Ленинграде брошюры «Оборона древнерусских городов», которая должна была на примере славных предков вдохновлять солдат на борьбу с фашистами, Лихачев не сделал бравурного заявления типа «мне как белобилетнику тоже хотелось внести свой посильный вклад в общую Победу и бла, бла, бла». Нет, он просто сообщил: «Предложили войти в бригаду... жирная тетка в Исполкоме сформулировала задачу... я согласился».

И я вдруг понял, почему. Для Дмитрия Сергеевича это не была Отечественная война! Потому что для истинного интеллигента страна, в которой ему не посчастливилось жить, никогда не была его Отечеством!

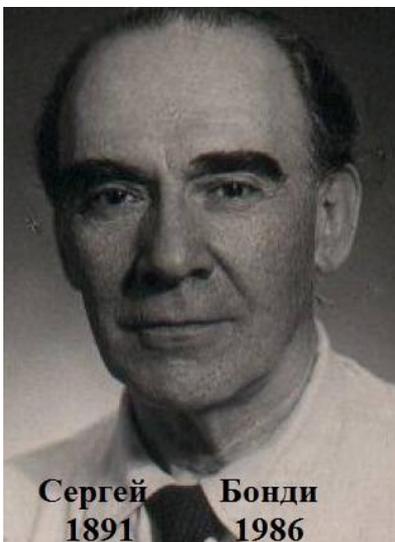
Но может быть он один такой. Ведь некоторые интеллигенты, хотя и не воевали, но выступали на передовой, служили военными корреспондентами и бодро распевали:

«На пикапе драном, со стареньким наганом
Сходу занимали города».

Но вот некоторые высказывания «истинной» интеллигенции, собранные в спецсообщении Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» от 24.07.1943 г. Вот патриотичное мнение писателя Ми-

хаила Пришвина: «Народ... угнетен войной и порядками, ждет конца войны любой ценой. Задача каждого человека сейчас – сохранить всеми средствами свою личную жизнь...». А вот бодрое утверждение журналиста Арнольда Колбановского: «Заявление Совинформбюро ко второй годовщине войны о невозможности разбить врага без второго фронта это официальное признание нашей слабости, полной неизбежности нашего поражения. Поэтому незачем работать, напрягать свои силы, голодать, терпеть лишения... мы слабы и на победу нет надежды». Мучительные размышления терзают Шкловского: «...больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по своему и печатать написанное. А без победы – конец, мы погибли. Значит, выхода нет!». А вот человеколюбивое изречение журналиста Павла Краснова: «Я готов терпеть войну еще хоть три года, пусть погибнут еще миллионы людей, лишь бы в результате был сломлен деспотический, каторжный порядок в нашей стране...я, надеются только на союзников, на их победу и над Германией, и над СССР...». Писатель Петр Кузько еще более решителен: «Мы должны быть тем новым, что сменит собой сегодняшнюю бюрократическую советскую рухлядь». Чуковский пророчит: «Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...». Ему вторит Федин: «Продав себя и весь свой народ американцам со

Сергей Бонди
1891 1986

всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения... Им мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...». А профессор-пушкинист Сергей Бонди обнаруживает творческий потенциал фашистского нашествия: «Для большевиков наступил серьезный кризис... И уже не выйти им из него с поднятой головой, а придется ползать на четвереньках, и то лишь очень

короткое время... Вот вам то первое, творческое, что дали немцы».

И это говорилось в тот момент, когда простой народ и его армия, напрягая последние силы, сошлись с фашистами в решающей битве на Курской дуге, предопределявшей дальнейший ход мировой истории. Конечно, нужно признать, что надеялись интеллигенты все же не на нацистов, а на американцев (ждать помощи от столь любезной им Европы было бессмысленно, ибо она была тогда в глубокой заднице). Они надеялись, что после того, как Гитлер разгромит сталинский режим, храбрые и демократичные янки, в свою очередь, разгромят фашистов и принесут долгожданную свободу.

Интеллигенты тогда впервые позволили себе выглянуть из норок, неверно оценив решение Сталина распустить Коминтерн как признание краха своего режима, когда страх перед издыхающим тираном несколько отпустил.

Конечно, как я уже писал, борьба с большевистской антисистемой – дело святое. Но только не в тот момент, когда под угрозой само существование народа и государства. Но как мы видим, для интеллигенции судьбы миллионов простых людей значения не имели. Лишь бы рухнул ненавистный сталинский режим. А немцы культурная нация, они умеют ценить образованных людей. Так что логическая цепочка: поражение – венские сосиски – баварское пиво родилась в интеллигентных головах задолго до появления телеканала «Дождь».

И вообще только интеллигенция имеет право на существование. Это следует из письма Лихачева «Человек должен быть интеллигентен», в котором академик решительно на этом настаивает. Следовательно, если человек все же не интеллигент, то он вообще не человек и на земле ему не место.

Как мы видим, к середине 20 века отношение интеллигенции к простому народу претерпело значительные изменения. Если вначале было преклонение и восхищение русским мужиком, носителем «социалистической потенции», то после неудачной попытки эту потенцию обнаружить и разбудить, восхищение сменилось раздражением. Затем возникло ощущение возможности самостоятельно осчастливить бестолкового, но все еще дорогого мате-

ринскому сердцу интеллигенции, мужика. Когда процесс осчастливливания закончился приходом большевистской диктатуры, материнская любовь начала стремительно угасать. А когда окончательно стало ясно, что это «быдло», несмотря на все издевательства над ним большевиков, не способно к какому либо сопротивлению, любовь окончательно переросла в ненависть. Поэтому истинных интеллигентов, окончательно ушедших во внутреннюю эмиграцию, судьбы страны и ее народа и перестали волновать.

Теперь становится понятным, почему Лихачев не упоминает о дне Победы. Потому что для них это не победа, а Поражение! По планам мировой закулисы Советский Союз должен был погибнуть вместе с нацистской Германией. Но неожиданно для всех, включая и интеллигенцию, он не только выжил, но и распространил свое влияние на значительную часть Европы. В кратчайшие сроки, опять ценой нечеловеческого напряжения простого народа, были восстановлены гигантские разрушения, а милые сердцу интеллигенции американцы лишены монополии на ядерное оружие.

Для все еще разрозненных остатков интеллигенции опять наступили тяжелые времена. Дело о «безродных космополитах» и «дело врачей» нанесли серьезный удар по еврейской составляющей русской интеллигенции. После окончания войны надобность в героической истории отпала, и началось новое закручивание идеологических гаек. Не все интеллигенты сумели почувствовать новый тренд, что привело к публичной порке режиссеров «Адмирала Нахимова» Пудовкина и «Ивана Грозного» – Эйзенштейна. От борьбы с безыдейностью пострадали Зощенко и Ахматова. Остальные же опять замерли в ожидании.

